

Научная статья

УДК 159.9.075; DOI: 10.61260/2074-1618-2025-1-121-129

СТРАХ СМЕРТИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ЛИЧНОСТНЫМ АДАПТАЦИОННЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

✉ Волженкина Вера Александровна;

Калач Екатерина Андреевна.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия.

Акиндинова Ирина Александровна.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,

Санкт-Петербург, Россия

✉ vevolzh@gmail.com

Аннотация. Приведены результаты исследования, посвященного изучению взаимосвязей характеристик страха смерти и личностного адаптационного потенциала у студентов начальных курсов психологической специальности. Выявлено, что уровень страха смерти напрямую не связан с личностным адаптационным потенциалом, однако такие позиции, как «принятие смерти как бегства» и «страх забвения» опосредованно могут снижать способность личности к адаптации. Это дает основания для рассмотрения в дальнейших исследованиях принятия смерти как бегства и страха забвения в качестве маркеров угнетенного психофизиологического состояния индивида.

Ключевые слова: страх смерти, танатическая тревога, принятие смерти как бегства, страх забвения, адаптация, личностный адаптационный потенциал

Для цитирования: Волженкина В.А., Калач Е.А., Акиндинова И.А. Страх смерти во взаимосвязи с личностным адаптационным потенциалом студентов специальности «Психология служебной деятельности» // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2025. № 1 (66). С. 121–129. DOI: 10.61260/2074-1618-2025-1-121-129.

Scientific article

FEAR OF DEATH IN RELATION TO PERSONAL ADAPTATION POTENTIAL OF STUDENTS OF THE SPECIALTY «PSYCHOLOGY OF SERVICE ACTIVITIES»

✉ Volzhenkina Vera A.;

Kalach Ekaterina A.

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia.

Akindinova Irina A.

A.I. Herzen Russian state pedagogical university, Saint-Petersburg, Russia

✉ vevolzh@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a study devoted to the study of the relationship between the characteristics of the fear of death and personal adaptation potential in first-year students of the psychological specialty. It was revealed that the level of fear of death is not directly related to personal adaptive potential, however, such positions as «acceptance of death as an escape» and «fear of oblivion» can indirectly reduce the ability of the individual to adapt. This provides grounds for considering in further studies the acceptance of death as an escape and the fear of oblivion as markers of the depressed psychophysiological state of the individual.

Keywords: fear of death, thanatic anxiety, acceptance of death as an escape, fear of oblivion, adaptation, personal adaptive potential

© Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2025

For citation: Volzhenkina V.A., Kalach E.A., Akindinova I.A. Fear of death in relation to personal adaptation potential of students of the specialty «Psychology of service activities» // *Psichologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva* = Psychological and pedagogical problems of human and social security. 2025. № 1 (66). P. 121–129. DOI: 10.61260/2074-1618-2025-1-121-129.

Введение

События последних лет, включающие переживание условий пандемии и нестабильную социально-политическую ситуацию, заставляют людей чаще соприкасаться с феноменом смерти. Ситуации, при которых человеку требуется помощь психолога в переживании утраты и экзистенциальных данностей жизни, актуализируют отношение самого специалиста к теме смерти. Именно поэтому для практикующего психолога важно сформировать собственную осмысленную позицию в отношении данных вопросов, а также попытаться сконструировать собственные практики адаптации к переживанию страха смерти еще на этапе профессионального обучения. Особенно актуальной танатическая проблематика представляется для специалистов в области экстремальных ситуаций, где смертельная угроза является предметом профессиональной деятельности.

При осмыслении феномена смерти важно понимать, что он может быть рассмотрен как переживание страха собственной смерти и как событие в случае смерти Другого. Смерть Другого не останавливает время, не уничтожает реальность. Она, хотя и горестное, но все же событие, наряду с другими событиями жизни остающихся живыми людей. Событие раскрывается в этом смысле в совместном горевании по поводу смерти Другого. Собственная же смерть лишает такой возможности. Событие в умирании невозможно, умирающий погружается в одиночество: «Умереть каждый должен сам, совершенно самостоятельно – замещение здесь невозможно» [1, с. 168]. Для умирающего смерть предстает крайней из всех возможностей бытия, за которой нет ничего, как это формулирует М. Хайдеггер: «безотносительная, достоверная и в качестве таковой неопределённая, необходимая возможность присутствия» [2, с. 258].

Смерть, как и рождение, является неотъемлемой частью биологического существования, но экзистенциальной данностью, требующей осмысления, она становится лишь в связи с переживанием страха ее онтологической неизбежности в отношении собственного бытия. Страх смерти преследует человечество с самого зарождения истории. Сквозь тысячелетия доносятся до нас и не теряют своей актуальности даже в постмодернистском дискурсе рассуждения Гильгамеша о смерти своего друга: «И не лягу ли я, как он, чтоб вовек не подняться, грудь моя исполнена скорбью, я смерти боюсь». Так, Эпикур полагал, что философия, как врачевание души, имеет лишь одну цель: облегчить человеческие страдания, корни которого лежат в страхе смерти [3, с. 17].

Действительно, наиболее ожидаемой реакцией на явление смерти можно считать страх. При этом танатическая тревога может рассматриваться во взаимосвязи как с принятием собственной смертности, так и с принятием прожитой жизни [4]. Деликатность данной проблемы определяет ее сложность и малоизученность в отечественном научном сообществе [5–7]. При огромном многообразии литературы и трактовок феномена страха смерти едва ли можно сконструировать интегральное понятие смерти, в котором бы схватывались контекстуальность и феноменальность переживаемого в связи со смертью страха.

Среди научных концепций изучения отношения к смерти можно выделить ряд наиболее известных. Широкое распространение получила теория управления страхом смерти, основанная на работе Э. Беккера, авторами которой стали Д. Гринберг, Ш. Соломон и Т. Пыжински [8, 9]. Центральное положение теории заключается в том, что практически все существующие в социуме процессы основаны на страхе перед смертью. В личности каждого человека существует конфликт, завязанный на противостоянии инстинкта самосохранения и неизбежности смерти, из-за чего и возникает танатическая тревога. Страх смерти становится и социальным регулятором поведения, и толчком к развитию личности.

Регуляторная функция осуществляется посредством страха перед наказанием за совершение неодобряемых в обществе действий, мотивационная – преодоления фатализма смерти через, например, самореализацию. Самореализация возможна как в личном пространстве, по типу творческой деятельности, примером которой является рождение (сотворение) детей, так и в развитии коллективной идентичности, что в некотором роде приводит к метафизическому бессмертию. Продление собственной жизни подобным образом позволяет человеку либо ощутить общность с ценностным и, по сути, бессмертным миром, либо приподняться над собственной биологической природой, возвысить человеческое достоинство.

Если в теории управления страхом смерти считается, что единственное возможное отношение к смерти – страх, то теория управления смыслом и принятия смерти П. Вонга базируется на экзистенциально-гуманистических представлениях и фокусируется на положительных аспектах феномена смерти [10]. Будучи последователем В. Франкла [11], П. Вонг говорит о том, что поиск смысла, так же, как и выживание, является первичной потребностью человека и в некоторых случаях может стать более сильным, чем стремление к выживанию. Например, в отдельных случаях потребность в самоактуализации может стать выше и насущнее потребности избегать смерти. Помимо этого рассматривается роль смысла как более надежной защиты от ужасов жизни и смерти, который при этом еще может вести к более продуктивной и насыщенной жизни. Вонг П. обращает внимание на то, что экзистенциальная психология может быть негативной и позитивной в зависимости от того, как в ней трактуется влияние на личность данностей человеческого существования. Так смерть как смыслополагание в фундаментально-онтологической концепции М. Хайдеггера предстает открывающей горизонт временности бытия человека и подводит личность к переосмыслению собственной жизни. Атеистический же экзистенциализм А. Камю и Ж.-П. Сартра, напротив, через сознание смертности приходит к тезису об абсурдности жизни и тщетности попыток обрести целостность через поиск истинного смысла собственной жизни. Негативная трактовка представляет существование человека наполненным страхом и ориентированным на защитный стиль; позитивная – раскрывает возможность трансформации смыслов в системы взглядов, позволяющие человеку жить с принятием своей смертной природы и максимизировать радость и исполненность жизни.

Теория управления страхом смерти видит лишь одну реакцию на смерть – страх, теория управления смыслами выделяет пять вариантов отношения к смерти, три из которых включают ее принятие.

Гаврилова Т.А. весьма точно отмечает, что отечественная психология долгое время была и до недавнего времени продолжала оставаться «психологией бессмертной личности» [12], имея в виду то, что до сих пор существует крайне мало разработанных концепций и исследований относительно смерти. Такое положение связано и с особым, табуированным отношением к смерти, сформированным в российской ментальности [13, 14]. В основном проводимые исследования сосредотачиваются либо вокруг паллиативной области, либо области переживания горя и утраты. Иными словами, можно отметить катастрофическую нехватку отечественных взглядов на восприятие смерти в повседневной жизни, когда танатическая тревога не входит в рамки критической ситуации.

Исследования отношения к смерти в науке представлены в основном следующими направлениями: суицидология (Н.Н. Липецкий, К.А. Чистопольская, С.Н. Ениколопов, Т.В. Журавлева, О.В. Зубарева, Т.А. Гаврилова, М.И. Черная, Е.Л. Николаев, Г.И. Семикин, С.Н. Озоль, С.А. Чубина), паллиативная медицина и психология (А.В. Гнездилов, А.А. Баканова, М.В. Кукина, И.А. Горьковская, Н.М. Пинегина), исследования особенностей личности людей, имевших опыт клинической смерти, исследование особенностей восприятия смерти человека в различные возрастные периоды (А.А. Баканова, К.А. Чистопольская, С.Н. Ениколопов). В отечественной психологии преобладают первые два направления, в то время как именно восприятие и отношение к смерти несет в себе значительный психотерапевтический, психокоррекционный и профилактический потенциал

в контексте формирования жизненной стратегии и коррекции дезадаптивных состояний личности [15].

Праксеология смерти изобилует социальными практиками адаптации переживания страха смерти. Однако о переживании страха смерти невозможно говорить в категориях всеобщности, каждое переживание уникально и обусловлено как генетическим фактором, так и имеющимся личным опытом человека. В этом контексте особое значение в понимании индивидуально-типологических особенностей переживания страха смерти и их влияния на деятельность личности имеют элементы структуры личностного адаптационного потенциала. Имея многоуровневую структуру, личностный адаптационный потенциал охватывает большое количество сфер, представляя собой весьма широкую интегральную оценку способностей человека. Среди исследователей, занимавшихся вопросом личностного адаптационного потенциала, можно выделить С.В. Чермянина, А.Г. Маклакова, С.Т. Посохову, А.М. Богомолова и др. [16, 17].

Маклаков А.Г., вслед за С.В. Чермяниным, подразумевает под этим понятием совокупность психологических характеристик личности, взаимосвязанных между собой и определяющих эффективность адаптации [16]. Его составные элементы взаимодействуют между собой и при этом не равны простой совокупности составляющих свойств. Иначе говоря, элементы системы личностного адаптационного потенциала действительно сосуществуют как «элементы в системе», сообщаясь и согласовываясь, выстраивая при взаимодействии новые признаки [18].

Одной из значимых социальных ситуаций в жизни человека становится вступление в новые образовательные условия, а именно – поступление в высшее учебное заведение [19]. Первые годы после поступления насыщены различного рода нагрузками, будь то учебная деятельность в новом формате, смена социального окружения, для кого-то и полная смена окружающего пространства в связи с переездом. Однако увеличение числа стрессоров сопровождается не только начальными этапами обучения. Повышенные интеллектуальные и эмоциональные нагрузки сопутствуют студентам на протяжении всего периода обучения, в отдельных случаях провоцируя состояния дезадаптации, угрожающие жизни [20, 21].

Некоторые зарубежные исследования [22, 23] указывают на неблагоприятное влияние страха смерти на выполнение работы и уровень переживаний за ее добросовестное выполнение как у уже состоявшихся специалистов, занятых в области помогающих профессий, так и студентов того же профиля. Таким образом, повышенный уровень танатической тревоги может способствовать не только возникновению и дальнейшему развитию психических расстройств [24–26], но и снижению эффективности профессиональной деятельности.

Понимание специфики танатической тревоги позволит в дальнейшем выявить ее предикторы как мишени профилактики и коррекции состояний выгорания и других профессиональных деструкций.

Методы исследования

В исследовании использовались опросники: «Отношение к жизни, смерти и кризисной ситуации» (А.А. Баканова); «Отношение к смерти» (П. Вонг, адаптация К.А. Чистопольской, О.В. Митиной, С.Н. Ениколопова); «Страх личной смерти» (Ф. Флориан, адаптация К.А. Чистопольской, О.В. Митиной, С.Н. Ениколопова); многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин).

Выборку составили студенты первого и второго курсов, обучающиеся по специальности «Психология служебной деятельности» (n=74, 10 юношей и 64 девушки в возрасте от 17 до 23 лет).

Мы предположили, что у студентов с более высоким уровнем страха смерти снижен показатель личностного адаптационного потенциала, а уровень дезадапционных нарушений

более высокий. Это могло бы свидетельствовать о дезадаптивной роли танатической тревоги, что косвенно поддержало бы результаты эмпирических исследований [25, 26], подтверждающих пагубное влияние страха смерти на психофизиологическое благополучие личности.

Результаты исследования и их обсуждение

Авторами выявлено, что показатель страха смерти у студентов имеет в подавляющем большинстве случаев средний уровень (56,75 %; $M=3,56$, $SD=1,5$), что указывает на адекватное восприятие смерти без превышения уровня танатической тревоги и без патологического безразличия к явлению смерти. Прочие компоненты отношения к смерти (принятие-приближение, избегание темы, принятие как бегства, нейтральное принятие) также имеют усредненные результаты.

Вместе с этим личностный адаптационный потенциал (ЛАП) значительно снижен (у 74,32 % участников исследования выявлен низкий уровень ЛАП), что свидетельствует о снижении общей нервно-психической устойчивости. Однако большинство результатов, характеризующих иные элементы структуры личностного адаптационного потенциала и шкалы дезадаптационных нарушений, находятся в пределах нормативных показателей.

Итоговые результаты исследования взаимосвязей страха смерти с компонентами адаптационного потенциала личности отличались от прогнозируемых. Страх смерти имеет высокие положительные корреляции с последствиями для личности ($r=0,55$, $p<0,001$) и трансцендентными последствиями ($r=0,607$, $p<0,001$). Другими словами, размышления на тему собственной смерти и ее последствий усиливают ее страх у студенческой молодежи. Способность и склонность к размышлениям на надбытовом, метафизическом уровне также способны и пугать вопросами о природе существования после смерти.

Отрицательная значимая связь была выявлена между страхом смерти и ее нейтральным принятием ($r=-0,418$, $p<0,001$). Нейтральное принятие смерти, будучи наиболее благоприятным видом отношения к смерти, в некотором роде противоположно страху перед ней [4].

Весьма интересной, хотя вполне ожидаемой, является отрицательная связь между страхом смерти и принятием жизни ($r=-0,377$, $p<0,001$). Удовлетворенность жизнью, психологическое благополучие, экзистенциальная исполненность, самореализованность – явления, доказанно повышающие субъективное качество жизни, – очевидно, снижают уровень страха небытия. И наоборот, «оторванность» от собственной жизни, ее непринятие и исключение себя из ее процесса, в крайних значениях приобретающие формы диссоциации и дереализации, могут повышать уровень танатической тревоги. Предполагается, что в этом случае страх смерти обуславливается неудовлетворением от собственной жизни как в настоящем, так и в прошлом и в будущем.

Менее выраженной оказалась положительная связь между страхом смерти и избеганием ее как темы для размышлений и разговоров ($r=0,336$, $p<0,01$). Очевидно, избегание, являясь классическим защитным механизмом, позволяет минимизировать вред от негативных мыслей в моменте, тем самым снижая актуальную ситуативную тревогу, как копинг-стратегия.

Концепция кризисной ситуации отрицательно связана с танатической тревогой ($r=-0,235$, $p<0,05$). Восприятие кризисной ситуации как неразрешимой, сосредоточение на ее удручающих чертах способно резонировать с объективной неизбежностью и необратимостью смерти, что повышает уровень танатической тревоги. Способность выносить позитивный опыт из трудных жизненных обстоятельств, разумеется, не заставляет воспринимать смерть как нечто определенно благостное, однако позволяет более мягко относиться к факту конечности жизни.

Системообразующим компонентом при выявлении корреляционных связей со шкалами МЛЮ «Адаптивность» стало принятие смерти как бегства. Отрицательные связи

со шкалами астенических реакций и состояний ($r=-0,384$, $p<0,001$), коммуникативного потенциала ($r=-0,367$, $p<0,01$), поведенческой регуляции ($r=-0,311$, $p<0,01$), личностного адаптационного потенциала ($p=-0,271$, $p<0,05$) и дезадаптационных нарушений ($r=-0,278$, $p<0,05$) весьма наглядно свидетельствуют о склонности к общей дезадаптации при принятии смерти как бегства. Согласно оригинальной интерпретации [1] и результатам проведенных ранее исследований [27], восприятие смерти как бегства крайне тесно переплетается с суицидальными тенденциями. Бегство как копинг-стратегия характерно для ситуаций, когда человек больше не способен адаптироваться к изменившимся условиям, к возникающим разрушительным чувствам, не способен брать ответственность за продолжение собственной жизни. Подобные обстоятельства поддерживаются положительной связью с депрессивностью личности ($r=0,365$, $p<0,01$) и отрицательной – с ответственностью ($r=-0,299$, $p<0,01$).

Принятие смерти как бегства также имеет положительную взаимосвязь со страхом забвения (потери социальной идентичности) ($r=0,484$, $p<0,001$). Это обстоятельство указывает возможные мишени психокоррекции суицидальных состояний, так как в данном случае мы наблюдаем классический внутренний конфликт между желанием избавиться от невыносимой тяжести жизни и значимостью социальных связей с близкими людьми, чье внимание, основанное на привязанности, является значимо ценным, а возможность забвения даже в отдаленной перспективе пугает и ранит.

Отрицательные корреляционные связи страха забвения с психотическими ($r=-0,325$, $p<0,01$), астеническими ($r=-0,364$, $p<0,01$) реакциями и состояниями, дезадаптационными нарушениями ($r=-0,353$, $p<0,01$), поведенческой регуляцией ($r=-0,349$, $p<0,01$), коммуникативным ($r=-0,258$, $p<0,05$) и личностным адаптационным ($r=-0,291$, $p<0,05$) потенциалами отражают угнетенное состояние личности (шкалы всех перечисленных признаков, за исключением ЛАП, имеют «обратную» интерпретацию, то есть чем выше полученные значения, тем более выражен представленный признак). Очевидно, нестабильность личности в состоянии дезадаптации – повышенная тревога, агрессия и избегание – приводят к искаженному восприятию действительности, в том числе и межличностных отношений.

Самой существенной оказалась положительная корреляция страха забвения с последствиями для близких ($r=0,484$, $p<0,001$). В одной из вариаций такую картину можно расшифровывать как страх перед разрушением собственных представлений о близких отношениях: с одной стороны, человек уверен, что имеет весомую ценность в жизни родных, с другой – присутствует тревога о ложной природе таких представлений, соответственно, вероятность забвения в памяти этих же людей становится более обоснованной.

Отрицательная значимая корреляция страха забвения с принятием себя ($r=-0,299$, $p<0,01$) может интерпретироваться как ситуация, когда человек, будучи не в состоянии принять собственное «Я», проявить к себе заботу, доверие и уважение, считает, что не сможет вызывать теплые чувства у окружающих даже после своей смерти.

Заключение

Результаты проведенного исследования показывают:

- в период студенчества у будущих психологов страх смерти усиливает и/или усиливается размышлениями о последствиях ухода из жизни, особенно недоступных пониманию;
- страх смерти не связан с дезадаптацией студентов напрямую, но ослабевает у жизнелюбивых, принимающих свою жизнь и смерть как часть жизни;
- дезадаптивное значение для личности имеет восприятие смерти как возможности бегства от определенных условий жизни, когда продолжение существования становится более тягостным, нежели умирание. Противодействует антивитальным тенденциям страх забвения, проявляющийся у студентов-психологов как тревога быть забытыми близкими, имеющая невротические черты.

Таким образом, у студентов начальных курсов психологической специальности восприятие смерти как бегства и страх забвения могут рассматриваться как маркеры, указывающие на уязвимость к стрессовым состояниям и нарушениям адаптации личности, и одновременно как конструкты осознанности, выступающие возможными мишенями для практической работы в рамках психокоррекции.

Список источников

1. Финк О. Основные феномены человеческого бытия: пер. с нем. А.В. Гараджа, Л.Ю. Фуксон. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 432 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Акад. проект, 2011. 460 с.
3. Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. М.: Эксмо, 2019. 384 с.
4. Wong P.T.R., Reker G.T., Gesser G. Death Attitude Profile-Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death // *Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application*. 2015. P. 121–148.
5. Системное описание страха смерти / А.А. Баканова [и др.] // *Культурно-историческая психология*. 2015. № 1. С. 13–23.
6. Душина Е.А. Исследование особенностей отношения к смерти в разные возрастные периоды жизни человека // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2012. № 1. С. 137–141.
7. Пастушкова А.С. Отношение к смерти на разных возрастных этапах // *Academy*. 2018. № 4. С. 96–97.
8. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The causes and consequences of a need for self-esteem: A terror management theory // *Public self and private self*. 1986. P. 189–212.
9. Солдатова Е.Л., Жукова Н.Ю. Теоретический обзор современных зарубежных исследований отношения к смерти // *Психология. Психофизиология*. 2018. № 3. С. 13–23.
10. Wong P.T.P. Meaning management theory and death acceptance // *Existential and spiritual issues in death attitudes*. 2007. P. 91–114.
11. Frankl V.E. *Man's search for meaning*. Simon and Schuster, 1985. 299 p.
12. Гаврилова Т.А. Танатологическая компетентность как компонент профессиональной подготовки педагогов-психологов // *Экономика и социум*. 2015. № 4. С. 1150–1156.
13. Горьковая И.А., Баканова А.А. Осознаваемые компоненты страха смерти в зрелом возрасте // *Вестник Лен. гос. ун-та им. А.С. Пушкина*. 2014. № 3. С. 29–39.
14. Каяшева О.И. Экзистенциальный подход к проблеме рефлексии конечности жизни человеком // *Казанский педагогический журнал*. 2023. № 2. С. 222–227.
15. Дмитриева П.Р. Отношение к смерти: от страха и избегания к принятию смерти // *Инновационная наука*. 2020. № 8. С. 76–79.
16. Ооржак А.Ю. Развитие адаптационного потенциала студентов // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2018. № 3. С. 91–96.
17. Посохова С.Т. Адаптационный потенциал личности // *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*. 2010. № 1. С. 35–39.
18. Долгова В.И., Рокицкая Ю.А. Адаптационный потенциал эмоциональной устойчивости студентов в процессе профессионального самоопределения // *Вестник Южно-Уральского гос. гум.-пед. ун-та*. 2009. № 6. С. 69–77.
19. Соболева Е.В. Адаптационная функция личностного потенциала будущего психолога // *Вестник Совета молодых ученых и спец-в Челяб. обл.* 2014. № 5. С. 133–138.
20. Махрина Е.А., Тимофеева А.В. Адаптация и стрессоустойчивость студентов // *E-Scio*. 2022. № 6. С. 13–21.
21. Особенности суицидального поведения у студентов медицинского вуза / Д.Ф. Хритинин [и др.] // *Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии*. 2017. № 10. С. 3–9.
22. How death anxiety impacts nurses' caring for patients at the end of life: a review of literature / L. Peters [et al.] // *The open nursing journal*. 2013. P. 14.

23. Medical students' death anxiety: severity and association with psychological health and attitudes toward palliative care / P. Hiemann [et al.] // *Journal of pain and symptom management*. 2015. № 3. P. 335–342.

24. Iverach L., Menzies R.G., Menzies R.E. Death anxiety and its role in psychopathology: Reviewing the status of a transdiagnostic construct // *Clinical psychology review*. 2014. № 7. P. 580–593.

25. Menzies R.E., Dar-Nimrod I. Death anxiety and its relationship with obsessive-compulsive disorder // *Journal of Abnormal Psychology*. 2017. № 4. P. 367–377.

26. Menzies R.E., Sharpe L., Dar-Nimrod I. The relationship between death anxiety and severity of mental illnesses // *British Journal of Clinical Psychology*. 2019. № 4. P. 452–467.

27. Адаптация методик исследования отношения к смерти у людей в остром постсуициде и в относительном психологическом благополучии / К.А. Чистопольская [и др.] // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2012. № 2. С. 35–42.

References

1. Fink O. Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya: per. s nem. A.V. Garadzha, L.Yu. Fukson. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya», 2017. 432 s.

2. Haidegger M. Bytie i vremya. M.: Akad. proekt, 2011. 460 s.

3. Yalom I. Vglyadyvayas' v solnce. Zhizn' bez straha smerti. M.: Eksmo, 2019. 384 s.

4. Wong P.T.R., Reker G.T., Gesser G. Death Attitude Profile-Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death // *Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application*. 2015. P. 121–148.

5. Sistemnoe opisanie straha smerti / A.A. Bakanova [i dr.] // *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*. 2015. № 1. S. 13–23.

6. Dushina E.A. Issledovanie osobennostej otnosheniya k smerti v raznye vozrastnye periody zhizni cheloveka // *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2012. № 1. S. 137–141.

7. Pastushkova A.S. Otnoshenie k smerti na raznyh vozrastnyh etapah // *Academy*. 2018. № 4. S. 96–97.

8. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The causes and consequences of a need for self-esteem: A terror management theory // *Public self and private self*. 1986. P. 189–212.

9. Soldatova E.L., Zhukova N.Yu. Teoreticheskij obzor sovremennyh zarubezhnyh issledovanij otnosheniya k smerti // *Psihologiya. Psihofiziologiya*. 2018. № 3. S. 13–23.

10. Wong P.T.P. Meaning management theory and death acceptance // *Existential and spiritual issues in death attitudes*. 2007. P. 91–114.

11. Frankl V.E. Man's search for meaning. Simon and Schuster, 1985. 299 p.

12. Gavrilova T.A. Tanatologicheskaya kompetentnos' kak komponent professional'noj podgotovki pedagogov-psihologov // *Ekonomika i socium*. 2015. № 4. S. 1150–1156.

13. Gor'kovaya I.A., Bakanova A.A. Osoznaemye komponenty straha smerti v zrelom vozraste // *Vestnik Len. gos. un-ta im. A.S. Pushkina*. 2014. № 3. S. 29–39.

14. Kayasheva O.I. Ekzistencial'nyj podhod k probleme refleksii konechnosti zhizni chelovekom // *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*. 2023. № 2. S. 222–227.

15. Dmitrieva P.R. Otnoshenie k smerti: ot straha i izbeganiya k prinyatiyu smerti // *Innovacionnaya nauka*. 2020. № 8. S. 76–79.

16. Oorzhak A.Yu. Razvitie adaptacionnogo potenciala studentov // *Skif. Voprosy studencheskoj nauki*. 2018. № 3. S. 91–96.

17. Posohova S.T. Adaptacionnyj potencial lichnosti // *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potenciala: problemy i puti ih resheniya*. 2010. № 1. S. 35–39.

18. Dolgova V.I., Rokickaya Yu.A. Adaptacionnyj potencial emocional'noj ustojchivosti studentov v processe professional'nogo samoopredeleniya // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. gum.-ped. un-ta*. 2009. № 6. S. 69–77.

19. Soboleva E.V. Adaptacionnaya funkciya lichnostnogo potenciala budushchego psihologa // Vestnik Soveta molodyh uchenykh i spec-v Chelyab. obl. 2014. № 5. S. 133–138.
20. Mahrina E.A., Timofeeva A.V. Adaptaciya i stressoustojchivost' studentov // E-Scio. 2022. № 6. S. 13–21.
21. Osobennosti suicidal'nogo povedeniya u studentov medicinskogo vuza / D.F. Hritinin [i dr.] // Vestnik nevrologii, psikiatrii i neirohirurgii. 2017. № 10. S. 3–9.
22. How death anxiety impacts nurses' caring for patients at the end of life: a review of literature / L. Peters [et al.] // The open nursing journal. 2013. P. 14.
23. Medical students' death anxiety: severity and association with psychological health and attitudes toward palliative care / P. hiemann [et al.] // Journal of pain and symptom management. 2015. № 3. P. 335–342.
24. Iverach L., Menzies R.G., Menzies R.E. Death anxiety and its role in psychopathology: Reviewing the status of a transdiagnostic construct // Clinical psychology review. 2014. № 7. P. 580–593.
25. Menzies R.E., Dar-Nimrod I. Death anxiety and its relationship with obsessive-compulsive disorder // Journal of Abnormal Psychology. 2017. № 4. P. 367–377.
26. Menzies R.E., Sharpe L., Dar-Nimrod I. The relationship between death anxiety and severity of mental illnesses // British Journal of Clinical Psychology. 2019. № 4. P. 452–467.
27. Adaptaciya metodik issledovaniya otnosheniya k smerti u lyudej v ostrom postsuicide i v otnositel'nom psihologicheskom blagopoluchii / K.A. Chistopol'skaya [i dr.] // Social'naya i klinicheskaya psikiatriya. 2012. № 2. S. 35–42.

Информация о статье: статья поступила в редакцию: 23.01.2025; принята к публикации: 25.02.2025

Information about the article: the article was submitted to the editorial office: 23.01.2025; accepted for publication: 25.02.2025

Информация об авторах:

Волженкина Вера Александровна, студентка пятого курса специальности «Психология служебной деятельности» Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), e-mail: vevolzh@gmail.com

Калач Екатерина Андреевна, доцент кафедры педагогики и психологии экстремальных ситуаций Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), кандидат философских наук, e-mail: kat.kalach@mail.ru, SPIN-код: 1590-6067

Акиндинова Ирина Александровна, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности и информационных технологий в образовании Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48.), кандидат психологических наук, доцент, e-mail: akiira@mail.ru, SPIN-код: 1874-2051

Information about the authors:

Volzhenkina Vera A., 5th year student of the specialty «Psychology of professional activity» of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), e-mail: vevolzh@gmail.com

Kalach Ekaterina A., associate professor of department of pedagogy and psychology of extreme situations of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), candidate of philosophy, e-mail: kat.kalach@mail.ru, SPIN: 1590-6067

Akindinova Irina A., associate professor of department of psychology of professional activity and information technologies in education of the A.I. Herzen Russian state pedagogical university (191186, Saint-Petersburg, emb. Moika river, 48), candidate of psychological sciences, associate professor, e-mail: akiira@mail.ru, SPIN: 1874-2051